

**ФУНКЦИИ И СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ**

В статье анализируются подходы к классификации функций конституции современного государства, раскрываются основные сферы действия конституции, их научное осмысление в современной отечественной и зарубежной юриспруденции. Особое внимание уделено соотношению терминов «основной закон» и «высший закон» в конституционной юриспруденции.

Ключевые слова: функции конституции, сфера действия конституции, основной закон страны, высший закон в иерархии источников права.

**Классификация функций
и сфер действия конституции**

Природа современных конституций и выполняемые ими функции – взаимообусловленные явления в государствах с демократическим правлением. Понятие функции применительно к конституции стало осмысливаться в современных исследованиях для того, чтобы показать роль и предназначение конституции в сферах общества и государства, в жизни различных стран и народов. Конституционное право как одна из отраслей права может различаться от страны к стране и от периода к периоду в отдельно взятой стране. В такой же степени наиболее важное понимание конституции и ее роли в жизни и правовой системе страны может различаться в различных странах. В связи с этим закономерен вопрос: как возможна общая теория функций конституции, которая учитывает и покрывает все эти различия?

В современных конституционно-правовых исследованиях, как правило, отмечают безотносительно к пространству и времени три социальные функции конституции: юридическую, политическую и идеологическую [1. С. 51–52; 2. С. 31; 3. С. 173–174; 4. С. 62]. Краткий анализ этих функций

производится, прежде всего, по отношению к зарубежным странам через выделение общего содержания каждой из отмеченных функций. Специфика реализации функций применительно к различным периодам и странам не отмечается. При этом подразумевается, что эти функции одинаково применимы к государствам с различными типами и видами конституций на различных этапах их исторического развития. Однако, на наш взгляд, необходимо корректировать функции конституции в отношении этапов конституционного развития отдельной страны или группы стран, переживающих сходные политико-правовые и социально-экономические преобразования. Поэтому более предпочтительным является анализ сфер реализации различных функций конституции. Следовательно, можно говорить о четырех сферах: юридической, политической, идеологической и экономической, – в которых реализуются функции конституции. Для каждой из сфер присущ свой набор функций.

В научной и учебной литературе по российскому конституционному праву больше внимания следует уделять размышлениям о функциях Российской Конституции через призму общего и особенного. Ряд авторов уделяют внимание анализу общих функций

Конституции России. При этом наблюдается некоторое разнообразие подходов, которое выходит за пределы отмеченной выше триады функций конституции.

Например, Председатель Конституционного Суда РФ, проф. М. В. Баглай отмечает функции преемственности в развитии государственности, противодействия планам революционного переустройства общества, обеспечения единства и неделимости государства [5. С. 61–64].

Профессор С. А. Авакьян считает, что любой конституции – независимо от социальной системы, в рамках которой она действует, – свойственны следующие функции: учредительная, организаторская, внешнеполитическая, идеологическая, юридическая [6. С. 11].

Другие ученые конституционалисты, например проф. Н. А. Михалева, ограничиваются анализом признаков и юридических свойств Конституции РФ, оставляя вне поля научного зрения функции конституции [7. С. 55–68]. Представляется важным рассматривать функции конституции сквозь призму двух важнейших факторов: исторического развития и проблемы сочетаемости функций применительно к отдельным конституционным актам в истории Российского государства.

Вместе с тем нередко исследователи в различных общественных науках рассматривают конституцию применительно к определенной подсистеме общества. В этом случае, как правило, говорят не о функциях конституции в той или иной сфере ее действия, а о различных видах конституции, каждый из которых соответствует определенной подсистеме общества. В юриспруденции наибольшее внимание уделяется *юридической конституции*, как Основному закону государства и общества, ее юридическим свойствам, порядку принятия, изменения, реализации и защиты. В политических науках в конституции видят преимущественно *политический документ*, в котором закрепляется баланс политических сил, сформировавшийся к моменту ее принятия. В широком смысле можно говорить, что и в сфере экономики действует *экономическая конституция*, как совокупность правил, определяющих порядок производства и распределения товаров и услуг. Впрочем, в строго юридическом значении под «экономической конституцией» современные ученые юри-

сты понимают несколько другое явление. В юриспруденции плодотворно разрабатывает понятие «экономической конституции» судья Конституционного Суда РФ, проф. Г. А. Гаджиев. Он отмечает, что конституция как свод важнейших юридических правил, определяющих отношения между государством и личностью, регулирует и отношения в сфере экономики. В современных конституциях таких норм так много, что в научном обиходе даже появилось понятие «экономическая конституция», обозначающее проникнутую внутренним единством совокупность конституционных положений, устанавливающих принципиальные нормы в сфере предпринимательства [8. С. 8]. Более широко представление об экономической конституции предполагает, что этим понятием охватываются все конституционные нормы, регулирующие в той или иной степени экономические отношения в стране. Поэтому экономическая конституция – это, в сущности, экономическая основа конституционного строя страны.

Наряду с юридической и политической может применяться экономическая интерпретация конституции, т. е. отражение в ее нормах экономических интересов различных групп, в том числе участвовавших в разработке ее проекта. Одной из первых работ по экономической интерпретации конституции стала монография Чарльза Бирда, вышедшая в свет в 1913 г. и переизданная в 1986 г. В США существуют исследования Конституции в свете экономических сил. Ярким примером стала книга Чарльза Бирда, в которой автор рассматривает американскую Конституцию как политико-правовой документ принятый группой людей, чьи экономические интересы послужили основой для ее положений [9].

Следует выделить и *экономическую сферу* реализации конституции, которая представляет собой часть экономической системы, находящейся под непосредственным воздействием конституционных норм или опосредованно регулирующей через интерпретацию конституции.

По мнению Г. А. Гаджиева, экономическая конституция как подсистема конституционного права состоит из следующих конституционно-правовых норм: 1) принципы основ конституционного строя о свободе экономической деятельности, о едином экономическом пространстве, о многообразии и

равноправии различных форм собственности, о защите конкуренции (ст. 8), о социальном характере государства (ст. 7); 2) конституционные нормы об основных экономических правах и свободах и основных правах, имеющих хозяйственно-конституционное значение, а также о конституционных гарантиях предпринимательства (ч. 2 ст. 34; ч. 1 ст. 74; ч. 2 ст. 75); 3) нормы, устанавливающие конституционный экономический публичный порядок. Общей тематикой объединены положения Конституции РФ, касающиеся финансов и налогов. Конституционное финансовое право является самостоятельной частью «экономической конституции» [10. С. 83].

Таким образом, термин «конституция» может применяться для характеристики важнейших компонентов различных общественных сфер – юридической, политической, экономической. Тем не менее, понятие «функции конституции» наибольшее значение имеет по отношению к сфере права и политики. Именно в этих двух сферах преимущественно осуществляется реальное действие конституционных норм и принципов.

В 90-х гг. термин «конституция» стал активно использоваться в международном праве и международных отношениях. Конституция вышла за пределы национального государства. Конституционное измерение стали получать вопросы межгосударственных объединений. Вопрос об учреждении конституции для объединенной Европы дискутируется в процессе европейской интеграции [11]. После образования Европейского Союза в литературе активизировался процесс обсуждения проблемы создания единой конституции этого объединения, которая бы выступала в качестве основы европейского права. В вышедшей в 2000 г. коллективной монографии группа ученых исследует целый комплекс проблем европейской интеграции. В частности, обсуждаются теоретические основы создания Европейской конституции в постамстердамский период, фокусируется внимание на «толковании гражданина как конституционной фигуры» в Европейском Союзе, появлении фактического «постнационального гражданства» и его значение для нормативной концепции гражданства как «полного членства» в сообществе [12. Р. 8–9]. Среди специалистов в области европейского права получило

широкое распространение мнение, что по характеру правовой системы Сообщество обладает большинством характеристик федерации, сохраняя черты, присущие обычной международной организации. Книга английского исследователя Т. К. Хартли имеет симптоматичный для формирования понятия европейской конституции подзаголовок «Введение в конституционное и административное право Европейского сообщества» [13. С. 10, 50]. Наряду с проблемами европейской интеграции некоторые ученые международники, например Николас Онаф (Nicholas Onuf) и др., дискутируют по вопросу о том, какие параметры могла бы иметь конституция международного сообщества [14. Р. 1–19].

В исследованиях зарубежных конституционалистов функции конституции рассматриваются через широкий спектр проблем конституционного и правового развития: например, через проблему возможностей конституционного заимствования или проблему создания новых конституционных демократий в странах Восточной Европы.

Так, в статье «Враждебные сравнения: некоторые предостерегающие замечания на процесс конституционного заимствования» профессора права Университета Штата Пенсильвания Сэта Креймера (Seth F. Kreimer) обсуждается проблема конституционного заимствования в американском конституционном праве [15. Р. 640]. Он исследует три модели, нацеленные на осмысление роли Конституции. При этом каждая из моделей может быть отождествлена с определенной социальной функцией конституции. Первая модель – конституция выступает в качестве основной «операционной системой», при помощи которой политические и юридические механизмы общества структурированы. Вторая модель – конституция рассматривается как ряд моральных концепций, являющихся лучшими моральными идеалами, которыми общество должно руководствоваться. Третья модель – конституция может быть оформлена как элемент, который определяет национальную идентичность. Каждая из этих моделей, по мнению С. Креймера, имеет место в американском конституционном праве.

На наш взгляд, эти модели конституции могут быть применены к рассмотрению проблемы действия Конституции РФ в но-

вых политических и правовых условиях, когда происходит формирование новой российской правовой системы.

В работе профессора конституционного и административного права в Университете Бремена (Германия) Ульриха К. Пройсса различные функции конституций анализируются сквозь призму формирования новых конституционных политий в странах Восточной и Центральной Европы. Он выделяет такие функции конституций, как функцию ограничения власти, уполномочивающую функцию, функцию дележа власти между социальными силами, функцию учреждать и легитимировать политическое властное полномочие, интегративную функцию [16. С. 126–128]. Несомненно, что отмеченные функции расширяют наши возможности глубже понять процесс конституционного строительства как в группе государств со сходными условиями развития в целом, так и в отдельной стране, такой как Россия, в особенности.

Представляется важным отметить, что общая теория функций конституций может служить методологической базой для анализа функционирования конституции в конкретно-исторических условиях отдельной страны. Конституция является одним из распространенных видов законов и важнейшим источником права, не только конституционного, в современных демократических государствах, поэтому существует соблазн применить теорию функций права вообще по отношению к конституционным нормам. Иначе говоря, в сущности, распространить функции права как такового на конституцию. При таком подходе следует проявлять осторожность и исследовать функции конституции, исходя из ее специфической и конкретно-исторической роли не только в правовой, политической, идеологической, но и в экономической сферах отдельных стран. Для стран, переходящих к демократии, особое значение приобретает анализ соотношения типичных и нетипичных проявлений функций конституции при кардинальной трансформации правовой, политической, экономической и духовно-культурной систем общества.

Юридическая сфера действия конституции – это, по существу, вся правовая система страны, центром которой и выступает конституция. Важным моментом в познании этой сферы становится выяснение эффек-

тивности и целенаправленности воздействия конституции на преобразование правовых традиций и верований, системы права и законодательства, в целом всего того, что объединяется понятием «правовая система».

Политическая сфера – это политическая система общества, которая становится объектом регулирования конституционных норм и активно взаимодействует с правовой системой страны в вопросах осуществления политической власти. В переходный период возрастает значение конституции в регулировании способов и условий легитимации политической власти. Поэтому через политическую сферу конституция обеспечивает установление демократических институтов, режима конституционной демократии.

Идеологическая сфера действия конституции – общая система идеологии, совокупность духовно-культурных ценностей, которая объединяет различные социальные слои и группы в государственно-организованное общество. Эта сфера помогает лучше понять, насколько введенная в действие конституция воспринимается как органическая часть общественного правосознания и поддерживается различными социальными силами или как конституционные иллюзии, конституционная мистификация политико-правовых реалий. Переход к демократии требует от конституции установления идеальных целей и формулирования конституционных принципов, которые могут рассматриваться как программа политико-правовых преобразований в стране.

Отдельно следует выделить и *экономическую сферу* реализации конституции, которая представляет собой ту часть экономической системы, которая находится под непосредственным воздействием конституционных норм или опосредованно регулируется через интерпретацию конституции. В условиях переходного периода речь идет о том, как влияют конституционно-правовые основы на становление в России режима современной рыночной демократии, могут ли конституционные нормы обеспечить процесс законной приватизации и перераспределение социальных благ. Новое исследование по проблемам взаимосвязи экономической реформы и конституционной политики в России в сравнительном контексте с опытом других стран появилось в 1999 г. [17].

В последующем мы рассмотрим функции конституции применительно к каждой сфере отдельно (за исключением экономической сферы, которая не входит в предмет анализа данной работы и требует самостоятельного изучения), учитывая, однако, взаимосвязь различных сфер и взаимное влияние функций на общий процесс реализации конституции.

Конституция состоит из конституционных норм, которые имеют свои особенности. Эти особенности проявляются в процессе реализации конституции. В современной литературе справедливо отмечается, что понятия «функции Конституции» и «функции конституционных норм» полностью не совпадают, как проявления свойств целого и части. Профессор В. О. Лучин внес значительный вклад в разработку теории функций конституционных норм. Тем не менее, он допускает возможность взаимной подмены этих понятий, «поскольку нормы выступают в качестве материальных носителей функций Конституции». Так, в параграфе «Функции конституционных норм» автор раскрывает функции Конституции [18. С. 25–43]. Возникает соблазн наделять конституционные нормы особыми функциями, которые не совпадают с функциями конституции как правового акта. Представляется правильным рассматривать функции конституционных норм как производные от функций конституции, принимая во внимание, что отдельные конституционные нормы могут обладать только некоторыми функциями конституции.

В более поздней работе судья Конституционного Суда РФ В. О. Лучин отказался от словосочетания «функции конституционных норм» и использовал только понятие «функции Конституции». По его мнению, собственно юридический аспект действия Конституции проявляется в ее регулятивных функциях. К ним относятся учредительная, правонаделительная, охранительная и функция социально-нормативной ориентации. Для решения более широких задач конституция реализует политическую и идеологическую функцию. Помимо этого существуют еще системообразующая и аксиологическая функции, которые почему-то не относятся к регулятивным функциям [19. С. 33–45].

Категория «функция» в отношении конституции имеет важное теоретическое и

практическое значение. Во-первых, функции раскрывают основные направления воздействия конституции на общественные отношения. Во-вторых, функции служат лучшему пониманию сущности и социального предназначения конституции. В-третьих, функции показывают эффективность конституционного регулирования в процессе общественного развития, специфику реализации конституционных норм, принципов и институтов. Следовательно, функции позволяют раскрыть динамический аспект конституции, с их помощью прослеживается динамика реализации конституционных норм. С принятием новой конституции особенно актуальной становится задача осмысления динамических и эволюционных возможностей, заложенных в ней ее авторами и основателями.

В советский период государствоведы уделяли внимание социальной ценности и функциям социалистических конституций и особенно конституции «развитого социализма». Так, правовед И. М. Степанов в 1978 г. отмечал, что «вопрос о функциях Конституции в нашей литературе специально не рассматривался», и признавал настоятельную потребность в функциональном подходе [20. С. 8]. В советском государствоведении считалось возможным классифицировать функции Конституции по разным основаниям: например, выводить их из функций государства или из функций права или, наконец, из функций государства и права, взятых вместе. По мнению И. М. Степанова, целесообразнее различать две основные функции Конституции: юридическую и политическую, – в силу характера Основного закона как одновременно юридического и политического документа [20. С. 8]. При таком понимании каждая из двух функций однородна и целенаправлена: в юридической выражены конституционные основы права, в политической – конституционные основы политики. Однако функциональный подход не предполагал изучения динамических качеств конституции, ее преобразующей роли в развитии общественных отношений. В значительной степени это объяснялось тем, что господствующее положение в конституционной политике советского государства занимала доктрина «каждому этапу социалистического строительства – свою конституцию». Современная теория конституционного права остро

нуждается в новой концепции функций конституции, которая бы объясняла динамические возможности конституции в условиях формирования новой правовой системы.

С позиций современного этапа конституционного развития России, процессов преобразований и модернизации различных сфер общества явно недостаточно видеть в Конституции только юридическую и политическую функции без осмысления конкретно-исторического контекста, в котором они реализуются. В условиях трансформации различных систем общества требует особого внимания изучение соотношения различных функций Конституции, их взаимное воздействие на процесс создания устойчиво развивающегося конституционного строя, способного сохранять стабильными несущие основы конституционной системы и инкорпорировать перспективные изменения конституционных институтов.

Таким образом, функции конституции – это основные направления реализации конституционализма. Учет функций необходим для правильного понимания не только теоретических основ, но и практических проблем реализации российского конституционализма. Во всяком случае, в современной России функции конституции должны послужить основой для разработки механизма реализации Конституции РФ, ее влияния на различные сферы общественной жизни – правовую, политическую, экономическую, культурную.

Конституция в юридической сфере: выбор терминологии «Основной закон» или «Высший закон»

В юридической сфере конституция про-являет себя как Основной закон страны или как Высший закон для государства и общества. Термины «Основной закон» и «Высший закон» часто используются в конституционно-правовых исследованиях как тождественные. В словосочетании «Основной закон» аккумулируются представления о законе, который закрепляет основы политической, экономической, социальной и духовной систем общества, взаимоотношений личности и государства. Как отмечает В. Е. Чиркин, данное словосочетание характеризует специфику объекта регулирования,

а также место этого акта в правовой системе как юридической базы правотворчества, правоприменительной деятельности и правосознания [21. С. 57]. Вместе с тем термин «Высший закон» более точно отражает юридическую природу конституции и ее место в иерархии источников права, в то время как термин «Основной закон» имеет в конституционном праве различных стран и в истории публичного права более широкое употребление, которое не всегда совпадает с содержательным смыслом конституции.

В историко-правовом и сравнительно-правовом плане можно выделить четыре разных смысла термина «Основной закон».

1. Он употреблялся, как правило, во множественном числе (Основные законы) для названия совокупности правовых норм, которыми регулировались еще в условиях абсолютистских государств Европы и России важнейшие, ключевые общественные отношения, складывавшиеся по поводу устройства государства и осуществления государственной власти автократом и подчиненными ему органами.

2. В некоторых современных демократических государствах он используется для обозначения действующей конституции (например, Основной закон ФРГ 1949 г.). В Германии сохранение этого термина объясняется историческими условиями принятия Основного закона. Он был принят для трех западных оккупационных зон как акт временного характера, который в дальнейшем предполагалось заменить на постоянную конституцию после объединения Германии. Однако этого не произошло, и после объединения Основной закон, с внесенными поправками, сохранил свое прежнее наименование. Немецкий конституционалист Конрад Хессе в конце 70-х гг. писал, что «сегодняшнее понятие Основного закона отличается от прежнего тем, что оно призвано обозначить не часть, а общее устройство государственной жизни, не постоянный и долговечный, а временный порядок в западной части Германии. Этот признак обусловливает одновременно и различия с понятием конституции. На самом же деле Основной закон, задуманный первоначально как временное положение, выступает все чаще в качестве постоянного порядка и в этом смысле – в качестве “конституции”... Терминологическое различие не является в данном случае обоснованием для существо-

вания смыслового различия, и поэтому нет никаких препятствий понимать Основной закон как «конституцию» [22. С. 58].

3. В ряде стран термин «Основной закон» обозначает определенную категорию законов, находящихся в иерархии источников права ниже конституции. На этом основании профессор В. В. Маклаков (автор параграфа) делает вывод, что «характеристика конституции как *высшего* закона» более предпочтительна, чем как основного закона [1. С. 51].

4. В мусульманских странах, где приняты писанные конституции, но доминирующее положение в правовой системе занимает мусульманское право роль основного закона, в сущности, выполняет Коран, чьи положения обладают приоритетом по отношению к конституционным нормам. Например, принятая в 1979 и обновленная в 1989 г. Конституция Исламской Республики Иран провозгласила, что все законодательство, в том числе уголовное, должно соответствовать шариату, а суды в борьбе с преступностью обязаны применять установленные им меры наказания [23. С. 307].

Таким образом, значение терминов «Основной закон» и «Высший закон» в одних случаях может совпадать, но в других различаться. Поэтому необходимо учитывать правовую традицию страны и традицию словоупотребления, хотя в общей доктрине конституционализма характеристика конституции как Высшего закона имеет более узкий смысл и указывает на юридическую силу содержащихся в ней норм. Именно Высший закон страны обладает высшей юридической силой. Такое понимание конституции получило распространение в период Нового времени, в то время как в предшествующий период нормы, составлявшие Основные законы государства, как правило, не выделялись по юридической силе из среды других правовых норм.

В перспективе такого понимания следует изменить прежний подход к понятию закона, который был распространен в теории права, начиная с советского периода. Речь идет о широко укоренившемся взгляде, что закон как правовой акт обладает высшей юридической силой. Если признавать только за конституцией роль закона, обладающего высшей юридической силой, то другие виды законов в государстве должны иметь соподчиненную с ней юридическую силу.

Следовательно, высшая юридическая сила – свойство не любого закона, а только конституции, другие законы имеют меньшую юридическую силу и тем самым уступают в применении приоритету конституции. Этот конституционный принцип, тем не менее, может подвергаться эрозии и вырождению, если не существует эффективной системы конституционного надзора и контроля.

Российский конституционный опыт свидетельствует о том, что для характеристики писаной конституции использовалось понятие «Основной закон». Оно стало традиционным для российского конституционного права наряду с понятием «высшая юридическая сила», которое применяется вместо выражения «высший закон» для описания местоположения конституции среди других правовых актов. Как нам представляется, учитывая юридические нюансы значения терминов «Основной закон» и «Высший закон», не следует в отечественном конституционном праве изменять устоявшуюся традицию научной и доктринальной характеристики конституции страны как основного закона общества и государства.

Конституции современных государств закрепляют способы внесения конституционных поправок и пересмотра конституций, основываясь на широком участии граждан в референдуме по вопросу о принятии поправок конституции (например, во Франции) или о принятии нового проекта конституции (например, в России). Однако Конституция РФ 1993 г. не закрепляет право на конституционную модернизацию как право государствообразующих народов с широким участием граждан в реализации инициативы о внесении поправок в действующую конституцию страны. Поэтому специального обсуждения требует вопрос о надлежащем перечне субъектов права на конституционную модернизацию [24. С. 50–56].

Список литературы

1. *Конституционное* (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Часть общая: Учебник / Под ред. Б. А. Страшуна. М.: БЕК, 1999. Т. 1–2. 784 с.
2. *Конституционное* право: Учебник / Под ред. А. Е. Козлова. М.: Бек, 1996. 446 с.
3. *Чудаков М. Ф.* Конституционное государственное право зарубежных стран. Минск: Харвест, ИНФРА-М, 1998. 783 с.

4. Конституционное право: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 1999. 592 с.
5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2007. 784 с.
6. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД «Сашко», 2000. 426 с.
7. Государственное право Российской Федерации / Под ред. О. Е. Кутафина. М.: Юрид. лит., 1996. 584 с.
8. Гаджиев Г. А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации (опыт сравнительного исследования). М.: Манускрипт, 1995. 232 с.
9. Beard Charles A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y.: The Free press; L.: Collier Macmillan publ., 1986.
10. Гаджиев Г. А. Конституция России как правовая основа экономики: правовая модель и современность // Изв. высш. учеб. заведений. Серия: Правоведение. 2009. № 2.
11. A Constitution for Europe / Ed. by King Preston & Andrea Bosco. L.: Lothian Foundation Press, 1991.
12. Wiener A., Neunreither K. Introduction: Amsterdam and beyond // European Integration After Amsterdam. Institutional Dynamics and Prospects for Democracy / Eds. by K. Neunreither, A. Wiener. Oxford Univ. Press, 2000.
13. Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества: Пер. с англ. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. 703 с.
14. Onuf N. The Constitution of International Society // European Journ. of International Law. 1994. Vol. 5. No. 1.
15. Kreimer S. F. Invidious Comparisons: Some Cautionary Remarks on the Process of Constitutional Borrowing // University of Pennsylvania Journ. of Constitutional Law. Spring 1999. Vol. 1. No. 3.
16. Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе // Полис. 1996. № 4.
17. Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999. 240 с.
18. Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения: Учеб. пособие для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997. 159 с.
19. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 687 с.
20. Степанов И. М. Конституция развитого социализма: социальная ценность и основные функции // Советское государство и право. 1978. № 12.
21. Чиркин В. Е. Конституционное право в Российской Федерации: Учебник. М.: Юрист, 2001. 480 с.
22. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М.: Юрид. лит., 1981. 368 с.
23. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юрист, 2000. 448 с.
24. Кравец И. А. Субъекты права на конституционную модернизацию: теоретико-методологические и правовые аспекты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2010. Т. 6, вып. 2. С. 50–57.

Материал поступил в редколлегию 21.03.2011

I. A. Kravets

THE FUNCTIONS AND SPHERES OF ACTION OF THE CONSTITUTION: THEORETICAL-METHODOLOGICAL AND PRACTICAL MATTERS OF CLASSIFICATION

The article is devoted to the analysis of the approaches to the classification of the functions of the constitution of the modern state. In the article the basic spheres of action of the constitution and their scientific perception in modern domestic and foreign jurisprudence are revealed. The author pays special attention to the correlation of the terms «basic law» and «higher law» in the constitutional jurisprudence.

Keywords: functions and sphere of action of the constitution, basic law of the country, higher law in the hierarchy of legal sources.